

БАРБАРА
КАРТЛЕНД

Скрытое
сердце

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К27

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Barbara Cartland

THE HIDDEN HEART

Перевод с английского *Г.Е. Рязанцевой*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Cartland Promotions
и с/o Rupert Crew Limited
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Картленд, Барбара.

К27 Скрытое сердце : роман / Барбара Картленд ;
[пер. с англ. Г.Е. Рязанцевой]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2016. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-100304-3

Юная, неопытная Сильвия Уэйс с радостью взялась бы за любую работу, а уж место гувернантки в доме богатого аристократа казалось ей и вовсе мечтой!

Сильвия и представить не могла, что на новом месте ее ждут опасные приключения и жгучая, пылкая любовь к человеку, которого в свете считают истинным дьяволом.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Barbara Cartland Ebooks Ltd, 1946
© Перевод. Г.Е. Рязанцева, 2004
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-100304-3

Глава 1

— Никогда не обряжала такую красивую покойницу, — сказала миссис Бутл, распахивая дверь и входя в комнату. Ее грузная фигура словно заполнила собой все помещение, обставленное полированной мебелью со множеством безделушек.

Девушка, сидевшая у камина и пришивавшая черную шнуровку к плотной юбке из саржи, подняла голову от шитья.

— Можно мне пойти наверх? — спросила она.

Миссис Бутл, подойдя вплотную, нависла над ней, как огромная туча.

— Я, пожалуй, подожду минутку-другую. Да и тебе нужно собраться с духом. Первое время, когда видишь покойников, всегда немного не по себе. Холодные, как мрамор, и все же по-своему красивые. А уж твоя матушка — так настоящая красавица, можешь поверить мне на слово. Как-никак я уже тридцать пять лет обряжаю покойников во всей округе, и, между прочим, делаю это лучше всех.

— Не сомневаюсь, — тихо произнесла Сильвия и поднялась, отложив шитье на скамейку, стоящую рядом со стулом, на котором она сидела. Миссис Бутл усеялась в кресло.

— А теперь, прежде чем ты пойдешь наверх и как полагается заплачешься, — сказала она, —

я бы хотела перекусить. Видишь ли, работа у меня тяжелая, хотя и не самая плохая, и когда я ее заканчиваю, то обычно мне нужно немного подкрепиться.

— О, простите за невнимательность, миссис Бутл, — быстро ответила Сильвия. — Я, конечно же, дам вам что-нибудь поесть и выпить, но боюсь, что в доме ничего нет, кроме... чая.

— Ну что ж, достаточно и этого, — снисходительно ответила миссис Бутл. — По правде сказать, я бы выпила чего-нибудь покрепче, но что поделаешь — когда в доме нет мужчины, всегда так бывает. Так и быть, я согласна на чашку чая и что-нибудь к нему. Что там, ты говорила, лежит в кладовке?

— По-моему, там несколько яиц и остатки пирога.

— Это вполне меня устроит, — согласилась миссис Бутл. — Если тебя не затруднит, свари их всмятку, чтобы я могла перекусить, пока ты будешь подогревать пирог. И не забудь, я люблю, чтобы чай был крепкий. По-настоящему крепкий. Мне нужно немножечко взбодриться!

— Я постараюсь сделать все как можно быстрее, — пообещала девушка.

Стремительно выйдя из гостиной, она прошла через неосвященный холл и спустилась по лестнице в кухню, расположенную в полуподвальном помещении. Там пахло сыростью и плесенью, этот запах не выводился, несмотря ни на какие усилия, но зато там было тепло от раскаленных углей, глеющих в большой черной плите. Сильвия поставила кипятить чайник и заглянула в кладовку. В ней оказалось всего два яйца. Если отдать их миссис Бутл, то ей самой на ужин уже ничего не останется.

«А мне ничего и не надо», — подумала она, но вдруг, к собственному удивлению, ее охватило острое, прямо-таки болезненное чувство голода. Девушка ничего не ела с тех пор, как умерла ее мать. До сих

пор любая мысль о еде вызывала у нее отвращение, но сейчас она вынуждена была честно признать, что очень голодна. Сильвия приготовила несколько тостов к яйцам для миссис Бутл, а обрезанные корки съела сама.

Ей пришло в голову, что в такие минуты жизни непозволительно думать о еде, но она тут же сказала себе, что подобные мысли просто чепуха. Если бы сейчас можно было заплакать или впасть в прострацию от горя, то она сделала бы это из жалости к себе, а не к матери. Все эти долгие шесть лет, пока Мэри Уэйс была неизлечимо больна, никто лучше Сильвии не знал, каково это: изо дня в день, в выходные и праздники, практически без передышки ухаживать за матерью. Несмотря на кажущееся улучшение, мать изводила ее своими придирками и капризами, хотя Сильвия, конечно, понимала, что причиной тому необычный характер болезни.

Страдания несчастной были столь тяжки, что, без сомнения, смерть казалась лучшим исходом. Врачи не могли ничем помочь, и то, что она так долго не могла умереть, было настоящей пыткой. В то утро, когда Сильвия вошла в спальню матери и увидела ее мертвой, она испытала сильное потрясение. Сначала девушка никак не могла поверить, что это правда. Но затем, почувствовав, как вдруг сильно заколотилось сердце, пристально всмотрелась в белое, худое лицо матери и поняла: страдания несчастной закончены. Теперь Мэри Уэйс выглядела намного моложе. Все следы мук и волнений исчезли, словно смерть стерла их с ее лица. Она умерла во сне, с легкой улыбкой на губах, и Сильвия, глядя на нее, поняла, что не сможет притворяться и изображать сожаление о том, что матери не стало.

Теперь, когда Сильвия стояла на кухне и готовила ужин для миссис Бутл, ей вдруг стало ясно как никогда, что если по кому и стоило лить слезы, так это о ней самой.

Что ожидает ее в будущем? Со смертью матери не стало и ее пенсии. И хотя это были жалкие гроши, они все же давали возможность кое-как сводить концы с концами и выживать — при условии жесткой экономии, когда велся строгий учет каждому пенни.

«Мне двадцать один, — подумала Сильвия. — Но что я знаю о жизни?» Ответ на этот вопрос был яснее ясного. Она не имела ни малейшей возможности чему-нибудь научиться, только и умела, что ублажать капризную страдалицу, прислуживать и исполнять роль неопытной сиделки, чистить и скрести, штопать протертое до дыр платье, чтобы поносить его хоть пару месяцев.

Кому, скажите, могли пригодиться эти ее умения? Разве что мужу? Но у нее почти не было шанса выйти замуж при таком образе жизни.

Дом не был их собственностью, и они уже задолжали за аренду. Мебель принадлежала матери, но Сильвия прекрасно знала, что никакой ценности эта рухлядь не представляет. Все то, за что скупщики могли заплатить, уже давно продано.

Ну вот, яйца сварились, да и чайник вскипел. Сильвия заварила чай, положила разогревать пирог и понесла поднос наверх.

Миссис Бутл дремала, уютно устроившись в кресле, вытянув ноги и свесив голову на необъятную грудь. Когда Сильвия вошла в комнату, миссис Бутл вздрогнула и проснулась.

— Только вздремнула, дорогая. Я так устала. Эта ужасная погода действует на всех, кому приходится выходить из дому. Сегодня утром я как раз говорила об этом с мистером Бутлом. И что хорошего может принести в новом году этот промозглый ветер, от которого кости стынут? От нового, 1903 года люди ждут мира и благоденствия, а может случиться так, что

и глазом не успеешь моргнуть, как половина населения вымрет от пневмонии.

— Избави бог, — воскликнула Сильвия, накрывая сервировочный столик и ставя на него поднос.

— У меня работы невпроворот, — заметила миссис Бутл. — Нам просто необходим кто-нибудь еще в этом районе. Конечно, никто из моих постоянных клиентов не захочет, чтобы за ними ухаживал кто-то, кроме меня. Они мне постоянно говорят: «Уж и не знаем, миссис Бутл, что бы с нами было, если бы не вы». И мне просто нечего им возразить, честное слово, нечего.

— Должно быть, это по-своему интересная работа, — предположила Сильвия.

— И да, и нет! — ответила миссис Бутл. — Годы берут свое, и, признаюсь, порой такая жизнь мне уже не по силам. Невозможно даже поесть спокойно: то кто-то стучится в дверь и слезно умоляет срочно пойти к нему, потому что его жена плохо себя чувствует, то доктор говорит, что какой-то джентльмен в палате номер 16 вряд ли протянет до утра и что мне бы лучше посидеть с ним. Он, конечно, всегда старается предупредить меня заранее, чтобы я могла согласовать свои планы, но когда мне кажется, что все уже улажено, происходит что-то непредвиденное, как в случае с вашей матушкой.

— Я очень сожалею... — пробормотала Сильвия.

— Ну что ты, дорогая. Это же не в нашей воле. Все в руках Божьих. Когда Он готов нас забрать, то какие могут быть возражения? Это, конечно же, вызывает массу хлопот и является потрясением для родственников. Что-то ты очень бледная. Может быть, выпьешь чашечку чая? На подносе как раз стоит еще одна.

— Да, пожалуй, миссис Бутл. Но не такого крепкого, как у вас. Добавьте в него, пожалуйста, немного воды.

— Я всегда говорю, ничто так не бодрит, как

чашка чая и полная чайная ложка сахара. Хорошенько угощайся, дорогая, подсласти по своему вкусу.

— Спасибо, — пробормотала Сильвия и присела на стул напротив миссис Бутл.

— Так вот, как я уже говорила, — продолжала та, — мне нравится, чтобы все было заранее спланировано и заказано. По-моему, три дня — это как раз тот срок, который необходим для похорон. Этого времени достаточно для того, чтобы сообщить всем об утрате. Меня всегда так трогает ритуал прощания с покойником. Но только не стоит его очень затягивать, потому что люди от этого устают. В особенности мужчины. Ты ведь знаешь, какие они нетерпеливые. — Эти слова были произнесены презрительным тоном человека, не очень хорошо относящегося к противоположному полу.

Увидев, как изменилось выражение лица Сильвии, миссис Бутл спохватилась.

— Ну-ну, не расстраивайся так. Возможно, это был самый счастливый час для твоей матушки. Так или иначе, в настоящий момент она в лучшем мире.

— По крайней мере, она избавилась от боли, — тихо заметила Сильвия.

Миссис Бутл согласно кивнула.

— Да, за это всегда нужно быть благодарным. Ты уже распорядилась о похоронах?

Сильвия кивнула.

— Да, доктор послал за могильщиком. Но все услуги такие дорогие. Даже не представляю, как я за все это рассчитаюсь.

— А ты сообщила родственникам? — испуганно спросила миссис Бутл.

— Да, конечно, но я бы лучше заплатила за все сама. У нас немного родственников: только мой

8 дядя Октавиус, брат отца. Он викарий в соборе

Святого Матфея в Гастингсе. Я послала ему телеграмму. Надеюсь, что завтра получу ответ.

— Полагаю, он заберет тебя к себе, — заметила миссис Бутл.

Услышав это, Сильвия будто окаменела, а затем с усилием произнесла едва слышно:

— Боюсь, что да.

Миссис Бутл налила себе еще чашку чая.

— Ты не любишь его?

Сильвия покачала головой.

— Он хороший человек, я уверена в этом. Но я жила у него, когда была ребенком, и у меня остались не очень хорошие воспоминания об этом времени. Мои кузины и тетя никогда не давали мне забыть о том, что я бедная родственница, — произнесла Сильвия. А затем, немного помолчав, добавила: — Им не нравился мой отец и некоторые из его родственников.

— Я знаю таких людей, — сказала миссис Бутл. — И все-то им не так, вечно они недовольны. Я таких частенько встречала. Они считают себя христианами, но ты бы удивилась тому, что я про них знаю. Это касается и священников.

— Надеюсь, что он предложит мне жить у них, — сказала Сильвия, — и я должна буду принять это с благодарностью. У меня нет другого выхода.

Говоря это, девушка смотрела в камин, но вместо пламени видела большой, великолепный дом викария в Гастингсе, тонкогубое, с острыми чертами лицо тетушки и своих кузин, брезгливо рассматривающих ее поношенную одежду и заштопанные чулки. Затем она услышала, как дядя резко произнес:

— Надеюсь, Сильвия, ты понимаешь, что никогда не должна произносить его имя в этом почтенном доме.

И услышала, как в ответ на это прозвучал ее собственный, полный слез голос:

— Да, дядя. Конечно, понимаю.

— Ты должна забыть его, вычеркнуть из своей памяти все воспоминания о нем.

Но судя по холодному блеску глаз, сам дядя вовсе не думал об этом забывать и собирался изводить ее упреками при каждом удобном случае.

Не в силах больше думать о таком унижении, Сильвия закрыла лицо руками.

Невыносимо было сознавать, что ей предстоит снова возвращаться туда, где ее ожидала роль прислуги, которой даже не будут платить, с которой будут обращаться как угодно, потому что она никогда не отважится покинуть этот дом. Она станет прислуживать тете, которая никогда не любила ее, двоюродным сестрам, всегда относившимся к ней с презрением. И все это — под постоянным надзором дяди Октавиуса.

В порыве отчаяния она бросилась к миссис Бутл.

— О миссис Бутл, не найдется ли у вас для меня хоть какой-нибудь работы, пусть даже самой тяжелой. Не может же быть, чтобы совсем ничего не нашлось! Я согласна на все. Я буду очень стараться. Поверьте! Ну придумайте же хоть что-нибудь!

Миссис Бутл почесала затылок.

— Трудно найти что-нибудь подходящее для юной леди. Да мне и не приходилось решать такие проблемы. Я думаю, что, если бы у меня была дочь твоего возраста, я бы ее куда-нибудь определила, а еще лучше выдала бы замуж за какого-нибудь достойного джентльмена. Ну а что касается тебя... что ты вообще умеешь?

— Я думаю, что могла бы быть гувернанткой, — высказала предположение Сильвия. — Но я так мало знаю. Я получила не очень хорошее образование, а за те годы, пока ухаживала за матерью, у меня почти не было времени читать.

— Но ведь для этого надобна рекомендация, — заметила миссис Бутл. — Ты ведь знаешь этих господ, к ним без этого и не подходи. У меня другое мнение. Я об этом и мистеру Бутлу недавно сказала. Я считаю так: что толку в какой-то бумажке? Лично мне достаточно лишь раз взглянуть на человека, чтобы понять, что он собой представляет.

— А еще я могла бы быть продавщицей.

Миссис Бутл засмеялась.

— Вот уж для этой работы ты никак не годишься. Ты совсем не похожа на тех грубиянок, которые там работают, а кроме того, тебе ведь надо будет где-то жить. Как бы ты смогла существовать на несколько шиллингов в неделю в том ужасном окружении, на которое ты была бы обречена, если бы не занялась... ну ты понимаешь чем. Нет, моя дорогая, боюсь, что тебе придется отправиться к своим родственникам.

— О миссис Бутл! — воскликнула Сильвия в отчаянии, и ее глаза медленно стали наполняться слезами.

Миссис Бутл поспешно взяла чайник.

— Ну не надо так расстраиваться, дорогая. Все утрясется рано или поздно. Ну же, выпей еще одну чашечку чая. Ну-ну, успокойся. Сходи завари еще чайку и, кстати, посмотри, как там мясной пирог.

— О господи! Надеюсь, он не сгорел! — в испуге воскликнула Сильвия.

Она вскочила и, схватив чайник, побежала на кухню.

Миссис Бутл посмотрела ей вслед.

— Хорошая девушка, — задумчиво произнесла она тем тоном, которым говорят люди, привыкшие открыто высказывать свое мнение. — Но слишком уж красивая. Лучше уж ей жить в доме викария, хотя там будет нелегко. — Затем, услышав, что девушка возвращается, миссис Бутл оживилась и нарочито громким голосом сообщила: — У меня есть идея, дорогая! Она

только что пришла мне в голову. Не хочу тешить тебя напрасными надеждами, и вообще, возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что это как раз то, что тебе нужно.

— О чем вы говорите, миссис Бутл? Ради бога, скорее скажите! — воскликнула Сильвия, ставя чайник на стол.

— Мне не хотелось бы очень много распространяться об этом. Видишь ли, одна леди, достойнее которой я никогда не встречала, сказала мне кое-что на прошлой неделе. И вот сейчас я вспомнила об этом. Вот ее слова: «Бутл, если что-нибудь случится со мной, я прошу тебя найти кого-нибудь такого же надежного, как ты — эта леди всегда так щедра на похвалу, — чтобы он доставил Люси — это ее маленькая дочь — по определенному адресу. Это очень важно, Бутл». Я почти забыла о просьбе этой достойной леди, так как ничто не предвещало ухудшения ее состояния. Но сегодня утром, как раз после того, как я получила записку о том, что нужно зайти к вам, я встретила на улице с доктором и остановилась, чтобы поговорить с ним. После сообщения о смерти твоей матушки он сказал мне, что состояние миссис Кэнингэм сильно ухудшилось, что у нее снова плохо с легкими и что он ничем не может ей помочь. А еще он сказал, что не удивится, если не сегодня-завтра она умрет. Веришь ли, я была просто потрясена, потому что совсем не ожидала услышать что-либо подобное. «Неужели все так плохо, доктор?» — воскликнула я, и он только кивнул в ответ. Он попросил меня при первой же возможности навестить миссис Кэнингэм, потому что на ее служанку, эту дурочку, нет никакой надежды. Я пообещала ему, что, как только у меня будет свободная минутка, обязательно схожу к этой бедной леди.

— Вы считаете, что она доверит мне свою маленькую дочь? — спросила Сильвия. — Что-то не верится.

— Кто знает, — загадочно промолвила миссис Бутл. — Иногда в жизни происходят такие вещи, которых мы никак не ожидаем. И позволь мне дать тебе один совет, дорогая. Если ты хочешь чего-то добиться в этой жизни, то не должна упускать ни единого шанса, который тебе дает судьба. Я сколько раз говорила мистеру Бутлу: «Ну вот, Фред, ты опять упустил свой шанс!» Так-то он человек верный и надежный, но не видит дальше своего носа. Нет в нем, право, никакого воображения. Но вернемся к тебе, дорогая. Если ты понравишься миссис Кэнингэм, этой леди до мозга костей, и если Люси привяжется к тебе, то твоя жизнь может сильно измениться.

— О, миссис Бутл, как это прекрасно. Невозможно поверить, чтобы так случилось. Прошу вас, узнайте обо всем, может быть, вы сможете помочь мне?

— Вот что я сейчас сделаю, — сказала решительно миссис Бутл. — Я пойду к ней и возьму тебя с собой.

— Нет, нет, я не могу, — возразила Сильвия. — Я в самом деле не могу. Что она подумает. А потом, мама... — Девушка подняла глаза.

— Если миссис Кэнингэм действительно так больна, как сказал сегодня утром доктор Доусон, то тебе нужно увидеться с ней как можно скорее, — заметила миссис Бутл. — А что касается твоей матушки, она уже не сможет возразить — да она и не стала бы, будь она жива, бедняжка; она ведь, несомненно, желала добра своей дочери.

— Нет ничего страшнее, чем жизнь у дяди Октавиуса, — задумчиво произнесла Сильвия.

— Вот и не упускай свой шанс, — заметила миссис Бутл. — Иди-ка быстренько наверх и надень свою лучшую одежду. Да прихорошись и приведи себя в порядок. И не обязательно надевать черное, — добавила она, заметив, как Сильвия потянулась было

за юбкой, лежащей рядом на стуле. — Мало кто в городе знает, что у тебя умерла мать, да и темно уже. Кто тебя увидит? А миссис Кэнингэм никого не знает в вашем квартале. Да и вообще она всегда вела очень замкнутый образ жизни. Так что поспеши, дорогая. Делай так, как я говорю, а я пока полакомлюсь пирогом.

Сильвия послушно взяла масляную лампу, стоявшую на окне в холле, прибавила света и медленно пошла наверх. Дойдя до второго этажа, она остановилась, затем, сделав явное усилие над собой, вошла в комнату, где лежала ее мать.

Она стояла у края кровати и смотрела на застывшую фигуру. Миссис Бутл сказала правду: Мэри Уэйс была прекрасна. И она выглядела так, пожалуй, впервые в жизни. Только сейчас Сильвия заметила, как сильно она похожа на мать. Такие же нежные и совершенные черты лица, такой же высокий лоб и красивые брови. Но за время болезни у матери уже появилась преждевременная седина и волосы стали тусклыми, в то время как у Сильвии они были золотистыми, как спелая пшеница, и блестели в свете лампы.

Девушка постояла так несколько мгновений, глядя на покойную, потом шепотом произнесла:

— Помоги мне, матушка. Помоги, где бы ты ни была сейчас. Я не хочу ехать к дяде Октавиусу.

Затем отошла от кровати и, тихо прикрыв за собой дверь, направилась в свою комнату. Она была узкая, как вагон, холодная зимой и душная летом, а кроме того, ее трудно было назвать местом уединения, потому что сквозь стенку из коридора постоянно доносились голоса. И все же именно здесь Сильвия проводила те редкие счастливые минуты, когда могла расслабиться и побыть самой собой. Здесь она размышляла и просто смотрела

на свое отражение в зеркале, висевшем над ко-
14 модом красного дерева, думая о том, произойдут

ли когда-нибудь изменения в ее жизни или все так и будет продолжаться с монотонной неизменностью до самой старости, когда уже ничто не будет волновать.

Иногда ее преследовали дерзкие мысли о том, что могло бы быть, если бы она осмелилась проявить характер и бросить вызов обстоятельствам, как это делали другие. Но она всегда знала, что это всего лишь больное воображение человека, чей ум лишен какой-либо пищи и отягощен одними и теми же тяжелыми думами. Она пыталась молиться, но и молитва не приносила ей облегчения, потому что религия всегда ассоциировалась у нее с дядей Октавиусом.

В этой комнате Сильвия познала одиночество. Одиночество, которое нельзя описать словами, одиночество, которое временами даже более невыносимо, чем сейчас, когда она осталась одна на всем белом свете, потому что то было одиночество души, лишенной надежды.

И вот теперь эта надежда, хотя и очень слабо похожая на правду, наконец появилась.

Сильвия не очень-то тешила себя мыслью, что она сможет осуществиться, но тем не менее с какой-то необъяснимой для нее пылкостью, если это можно так назвать, достала из гардероба лучшее платье и надела его. Оно было до невозможности устаревшее, и девушка это хорошо знала. Рукава недостаточно пышные, юбка — коротковатая, но оно ей шло. Нежный голубой цвет дешевого материала оттенял белизну ее кожи и блеск волос, а белые кружева вокруг шеи, схваченные голубым бантом, казалось, подчеркивали ее молодость и наивность.

Ей всегда нравилось это платье, она радовалась, когда сшила его. Радовалась по той простой причине, что была весна и внутри у нее ощущалось волнение, необъяснимое, но прекрасное, отчего девушка чувствовала себя счастливой. На платье она накину-